

АННА ВАРДА
(Лодзь)

**ОБ ОТНОШЕНИИ ПИСАТЕЛЯ К ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДИСЛОВИЙ К КНИГАМ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА)**

Среди источников наших знаний об отношении писателя к власти во второй половине XVIII века следует назвать одну из разновидностей предисловий, предвещающих произведения того времени, а именно посвящение, т.е. указание автором лица, честь или память которого он желает почтить своим произведением. Этот делимитационный фрагмент¹ был широко распространен в России прежде всего в XVI и XVII столетиях² и продолжает свое существование вплоть до XX века. Однако с течением времени он стал более коротким, содержательным и в наше время является свидетельством дружбы, памяти, любви (напр. в XIX веке посвящения Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, в XX веке – В. В. Маяковского, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой и др.).

Посвящения второй половины XVIII века, с одной стороны, продолжают еще в какой-то мере панегирическую древнерусскую традицию, свойственную этой форме, с другой – они являются уже выражением новых литературных отношений и результатом формирования писательского сознания, являющихся непосредственным следствием преобразований петровской эпохи.

Во второй половине XVIII века посвящения были настолько распространены, что предвещали большинство как литературных, так и всякого рода научных и профессиональных книг, возникших в это время. Оказывается, что не всегда только одно предисловие-посвящение предшествовало данной книге. Иногда их было несколько, при этом

¹ T. Dobrzyńska, *Delimitacja tekstu literackiego*, Wrocław 1974, с. 5-8.

² *Тематика и стилистика предисловий и послесловий*, ред. А. С. Демян, Москва 1981.

каждое из них было адресовано другому персонажу (ср. напр., посвящения к книге И. Новикова *Ключ к выкладкам курсов*³). После посвящений могли еще следовать разного рода предисловия, вступления, обращения к читателям⁴, которые предваряли основной текст.

Предисловия-посвящения панегирического характера, прославляющие определенного адресата, редко касались самого произведения и проблем, связанных с литературной или общественной жизнью. Совсем по-другому выглядит дело с вступлениями и предисловиями к тексту, которые, будучи с ним более или менее связаны, объясняли его, знакомили с авторскими намерениями, вводили в круг литературных и общекультурных проблем своего времени.

Посвящения к книгам второй половины XVIII века не имели специального названия – „посвящение”. Они начинались сразу с посвятительного обращения к адресату посвящения, выраженного в дательном падеже (напр., „Его Превосходительству Действительному Статскому Советнику, Прокофию Акинфиевичу, господину Демидову”). После этой формулы могло следовать традиционное для эпистолярного стиля заглавие, являющееся приветственным обращением к адресату, употребленном в звательном падеже, согласно нормам находящимся в письмовниках того периода⁵ (например, „Милостивейшая государыня”, „Ваше высокоблагородие”, „Государь мой”). Именно эпистолярная традиция, а точнее постоянные формулы, открывающие и завершающие письмо – надпись, подпись, число, а также чинонаблюдение или церемониал, отражающий большое или меньшее почтение автора к адресату (титулы, постоянные эпитеты, название должности) имели влияние также на внешнюю форму посвящений.

Как в XVIII веке, так и в предшествующие столетия нельзя еще говорить об авторском статусе и о профессии писателя. Именно поэтому появившаяся в эпоху Петра I и в следующие десятилетия довольно большая группа образованных людей, занимающихся писательским делом (так называемые разночинцы), не могла рассчитывать благодаря

³ И. Новиков, *Ключ к выкладкам курсов*, Москва 1794.

⁴ A. Warda, *O wprowadzeniach do dzieł literackich w Rosji w XVIII wieku*, „Slavia Orientalis” 1997, № 1, s. 93–103.

⁵ Пор. пр., *Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов*, Москва 1765; *Краткие правила, способствующие к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей и обряда, в письмах употребляемого*, перев. с франц. Н. Новикова, Москва 1788; И. Сокольский, *Кабинетский и купеческий секретарь или собрание наилучших и науупотребительных писем*, ч. I–II, Москва 1788; П. И. Богданович, *Новый и полный письмовник или подробное и ясное наставление, как писать купеческие, канцелярские, дружеские письма*, Санкт-Петербург 1791; И. Новиков, *Всеобщий секретарь или Новый и полный письмовник*, Москва 1793.

своему сочинению на материальную выгоду. Мало того, автор вынужден был искать себе вполне реальную материальную помощь в издании своей книги⁶. Почти каждый из тогдашних сочинителей где-нибудь служил и был зависим от „милостивцев” – меценатов⁷, которые давали материальные средства для выпуска их книги в свет. Именно нужда в материальной поддержке и тем самым зависимость автора от мецената вызвали расцвет темы меценатства в литературе, а точнее повлияли на чрезвычайную распространенность посвячительных предисловий⁸. Их целью было не просто отвлеченное выражение симпатии покровителю, но прежде всего достижение вполне реальных практических результатов. Отметим однако, что элементы личной заинтересованности в посвящениях второй половины XVIII века заключены были в скрытой форме. Авторы посвящений, создавая посвячительные предисловия, хотели через их посредство засвидетельствовать почтение влиятельным лицам, прославить их, выразить признательность за покровительство и расположить их таким образом к дальнейшим благотворительным актам⁹.

Как нам удалось установить, к кругу адресатов посвящений принадлежали выдающиеся государственные деятели (например, сенатор, обер-прокурор), представители административной и духовной власти (например, коллежский советник, статский советник, полицмейстер, архиепископ), знаменитые жители города (например московские знаменитые граждане), а также императрица Екатерина II и Мария Федоровна – жена Павла I. Интересно отметить, что посвящения, адресованные крупным вельможам, или же самому царю не обязательно означали, что между автором и адресатом существовала прямая связь. В реальной жизни они могли друг друга никогда не видеть. Однако громкое и общеизвестное имя адресата должно было служить, как можем предполагать, своего рода рекламой их книги. Итак, например, П. Ю. Львов – автор *Розы и Любима*¹⁰, являющейся подражанием идиллии И. Ф. Шмита *Рахель и Бог Месопотамии*, начиная свое посвящение с обращения к меценату – И. И. Дмитриеву переходит

⁶ E. Małek, *Panegiryk w życiu literackim Rosji drugiej poł. XVII–pocz. XVIII wieku*, [в:] „Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy. Studia Filologiczne” 1981, nr. 14, s. 5–7; С. И. Николаев, *Литературная культура петровской эпохи. Диссертация в форме научного доклада на соиск. уч. степ. доктора филол. наук*, Санкт-Петербург 1995, с. 25–26.

⁷ В. И. Кулешов, *История русской критики XVIII–XIX вв.*, Москва 1972, с. 11–12.

⁸ Л. И. Сазонова, *Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой пол. XVII в. (особенности литературной формы)*, [в:] *Тематика и стилистика предисловий...*, с. 176.

⁹ Там же, с. 176–177.

¹⁰ Предисловие к *Розе и Любиму* П. Ю. Львова (1790) цитирую за: В. В. Сиповский, *Очерки из истории русского романа*, т. 1, вып. 1, Москва 1909, с. 225–226.

далее к панегирику в честь Петра I и Екатерину II. Написанный в высоком патетическом тоне „гимн” правителям России указывает их как богов, управляющих благославленной страной. Читатель узнает из него, что как Петра I, так и Екатерину II восхваляет и чтит весь мир (в смысле всей России) за проведенные ими реформы и победные войны. Екатерину II автор сравнивает здесь с Астреей – мифологической дочерью Зевеса, богиней справедливости. Она сидит „на престоле из сердец народа, любовью к ней горящих, сооруженном, научает, просвещает и оживотворяет в величии ни с чем несравненную Россию”¹¹. Итак, перед читателем возникает образ просвещенной, умной, справедливой царицы, которая заботится о благе своего народа. Апострофа, завершающая посвящение: „О дражайшее мое отечество”, является подтверждением патриотизма автора, который любит как своего монарха, так и свое государство. Следует подчеркнуть, что использованные в этом посвящении: гиперболизация, идеализация, а также мифологические элементы были типичными средствами, которые употребляли авторы панегирических произведений (прежде всего в жанре оды) в эпоху русского классицизма.

Адресатом посвящения И. Новикова к книге *Основательные правила торговли*¹², переведенной с немецкого языка, были Екатерина II и вторая жена Павла I – Мария Федоровна. После выражения благодарности Екатерине II за ее щедроты, оказанные Новикову во время его учебы в Коммерческом Училище, автор предисловия переходит к изысканному, патетическому восхвалению добродетелей Марии Федоровны, используя к ее характеристике прилагательные и слова с приставками „пре-” и „все-”, подчеркивающими избыток данного качества, длинные, изысканные сравнения, преувеличение ее добродетелей. Как нам кажется, идеализированные характеристики правителей России в панегирических произведениях не были действительным отражением образа русского государя. Их настоящая цель состояла ведь в том, чтобы снискать расположение правителя или же выразить ему благодарность за полученные от него покровительство и помощь. С другой однако стороны обращение к царю требовало от подданных соблюдения существующего этикета, касающегося употребления определенных словесных выражений и господствующих норм и канонов.

Следующим интересным примером посвятительного предисловия является посвящение анонимного переводчика *Велизара*¹³, обращенное к архиепископу Гавриилу Тверскому. Его стиль у употребленные средства

¹¹ Там же, с. 226.

¹² И. Новиков, *Основательные правила торговли*, Москва 1799.

¹³ Предисловие к *Велизару* (1768) цитирую за: В. В. Сиповский, *Очерки из истории русского...*, с. 171.

являются менее изысканными от тех, которые присутствовали в предыдущем посвящении. Оно указывает адресата посвящения – архиепископа как обыкновенного, но благочестивого человека, обладающего положительными чертами характера. Автор перечисляет ряд добродетелей, якобы свойственных архиепископу Тверскому, которые отражают ожидаемые от каждого духовного лица качества, а именно: кротость, смирение, умеренность, просвещенную набожность.

Предисловия, посвященные знаменитым гражданам того периода, государственным деятелям, административным лицам, по сравнению с посвящениями правителям России, отличает меньшая дистанция между их автором и адресатом, а также употребление меньшего числа изысканных средств и приемов, использованных в восхвалении объекта дедикации. Итак, например, И. Виноградский – автор *Картины нравов*¹⁴ называет адресата своего посвящения – Михаила Осиповича Силина – истинным и первым своим благодетелем, но одновременно он отказывается от сложения панегириков в его честь, хотя он и одолжен ему. Свой отказ Виноградский объясняет следующим образом: „Я не хочу распространяться в описании того, как и сколько вами одолжен, искренняя благодарность и всегдашняя чистейшая признательность, кажется более, нежели множество Панегириков пышных ораторов”. Можно предполагать, что Виноградский не принадлежал к сторонникам пышных, панегирических, изысканных форм, предпочитая их более простому стилю, свидетельствующему о настоящей благодарности покровителю.

Интересно отметить, что не только Виноградский, но и ряд других писателей второй половины XVIII века стало порывать с древнерусской панегирической традицией и сочинять более сжатые, лаконичные формы посвящений, не используя в них традиционной для предыдущих эпох манеры нанизывания друг на друга ряда эпитетов, создающих идеализированный образ адресата. Посвящая свои книги разным общеизвестным лицам, они называли лишь самые важные должности адресата, его общественную позицию, заслуги, или же обращали внимание на дружбу или другие отношения существующие между автором и объектом посвящения. В результате того дистанция между ними уменьшилась, а иногда даже почти совсем исчезла.

Следует однако отметить, что часть писателей по-другому выражала свое отрицательное отношение к изысканному, высокому стилю посвящений-панегириков. Оно проявилось, к примеру, в создании ими антитезы традиционному посвящению, имеющей сатирический

¹⁴ И. Виноградский, *Картина нравов или Собрание разных правоучительных повестей и анекдотов, служащих к образованию сердца и нравов юношества*, Москва 1789.

пародийный характер. Таким образом, авторы высмеивали и критиковали в равной степени сочинителей панегирических посвящений, и адресатов, которые их благосклонно принимали. Замечания по этому поводу можно также найти в письмовниках, возникших во второй половине XVIII века, авторы которых (часто тоже писатели) предлагали соблюдать „чинонаблюдение” в письмах и соответствующий эпистолярному стилю церемониал, но одновременно предостерегали авторов всякого рода писем перед тем, чтобы не выйти за рамки приличия. Любопытный пример того содержится в письмовнике Ивана Сокольского, который пишет:

Если мы обязаны будем хвалить, то да соблюдаем в сем искусство. Что найдешь приятного в похвале, сделанной без остроты и откровенно? [...] Как скоро начинают говорить, или писать, то в вмешиваются приписывать похвалы, так как бы дождь шел. Но признаемся, что по большей части бывают они глупы и не искусны¹⁵.

Посвящение пародийного характера, или иначе говоря – антидедикация предваряла, например, русскую версию четвертой новеллы пятого дня из *Декамерона* Боккаччо, озаглавленную *Соловей, молодой птицеловкой пойманный*¹⁶ и *Пересмешник, или Славенские сказки* М. Чулкова¹⁷. Так напр. в посвящении к *Соловью* вместо ожидаемого восхваления адресата – госпожи Самолюбы Прикупаловны Расхожиной, элементы которого присутствуют уже в обращении к ней (ее блистательность, милостивейшая Государыня), следует текст, который противоречит общепринятому образцу. Уже само значащее, иронически звучащее имя и фамилия адресата – Самолюба Прикупаловна Расхожина – предупреждает характер следующего за апострофой посвящения, в котором происходит сочетание внешних традиционных форм панегирического посвящения с низменным его содержанием. Так, вместо восхваления Самолюбы следует описание ее отвратительного вида (морщины на лице, полугнилые зубы, лицо с фунтом румян да белил, горб, глубокая старость). Объект подвергается под пером анонимного автора деградации и осмеянию, хотя все внешние формы панегирического посвящения напоминают типичные для этого жанра приемы¹⁸.

¹⁵ И. Сокольский, *Кабинетский и купеческий секретарь...*, с. 14.

¹⁶ *Соловей, молодой птицеловкой пойманный*, [в:] *Веселая беседа*. отделение I., Москва 1785.

¹⁷ М. Чулков, *Пересмешник, или Славенские сказки*, [в:] *Лекарство от задумчивости, или сочинения М. Д. Чулкова*, сост. М. Плюханова, Москва 1989, с. 81–93.

¹⁸ В. Mazurkova, *Przedmowy, dedykacje i noty w twórczości F. D. Książnina*, [в:] *O literackiej ramie wydawniczej w książkach dawnych*, ред. R. Ociecek, Katowice 1990, с. 63–69; *Rękopiśmienne dedykacje autorskie w księgozbiórce Ossolineum*, ред. J. Długosz, Wrocław 1987, О посвящениях см. J. Trzynadlowski, с. 5–15; *Twórcy oświeceniowych dedykacji wobec problemów panegiryzmu*, [в:], *Szkice o dawnej książce i literaturze*, ред. R. Ociecek, Katowice 1989, с. 73.

Полемика с общепринятыми нормами посвящений видна также в антидедикации к *Пригожей поварихе* М. Чулкова. Соблюдая типичные для панегирического посвящения приемы (обращения, оценочные эпитеты, перечисление действительных и вымышленных званий и заслуг адресата и т. д.), автор сознательно не называет имени и фамилии объекта дедикации, объясняя это таким образом, что авторы дедикаций часто не знают толку и умеренности в восхвалении покровителя, в результате чего их посвящение ненамеренно приобретает сатирическую окраску и вместо восхвалять — высмеивает.

Сейчас нам предстоит обратить внимание на авторов посвящений и избранные ими средства и приемы в выражении своего отношения к меценату. Если в изображении адресата дедикаций во второй половине XVIII века мы заметили постепенный отход от древнерусской традиции, то изменения в авторском поведении менее выразительны. Особенно видны они в проявлении писательского самосознания, которое отразилось таким образом, что авторы в большинстве случаев стали называть в книгах свое имя и фамилию, указывали свое общественное положение, род занятий. Писатель перестал уже быть анонимным книжником и стал частным лицом¹⁹. Как справедливо отметил С. Николаев, рост авторского самосознания, его индивидуализация проявились в первую очередь в изменении мотивации творчества²⁰. В противовес древнерусским книжникам, пишущим во имя высших целей, по чему-то обету или внутреннему убеждению, писатели конца XVIII столетия сочиняют свои книги, как подтверждают это примеры, от скуки, в свободное, праздное время, для препровождения времени и т. д. Например: „Остающиеся от должности моей свободные часы не нашел я лучше употребить, как на собрание сих кратких нравоучительных повестей”²¹.

Интересно отметить, что подчеркивание внешней стороны авторства, не имело никакого влияния на глубокие вынутренние изменения статуса автора. И так, согласно традиции предшествующих веков, писатели умаляют свои заслуги, дают уничижительные самооценки своего труда. Ср. напр. следующие фрагменты авторских высказываний:

О! сколь я буду щастлив, ежели сей малый мой труд удостоит благосклонного своего воззрения Государыня премилосердая²².

[...] сие подало мне смелость украсить, именем Вашего Сиятельства слабый опыт трудов моих²³.

¹⁹ С. И. Николаев, *Литературная культура петровской эпохи...*, с. 20–25.

²⁰ Там же, с. 21.

²¹ И. Виноградский, *Картина нравов...*

²² И. Новиков, *Основательные правила торговли*, Москва 1799.

²³ И. Сокольский, *Кабинетский и купеческий секретарь...*, с. 4.

Следует подчеркнуть, что авторы посвящений упоминали часто о своем долге перед адресатом дедикации и именно книга была формой расплаты автора с покровителем, а также выражением его благодарности. Интересно, что посвящения не содержат обычно упоминания о том, какой долг имели ввиду писатели. Можно лишь предположить, что это была материальная поддержка со стороны меценатов, которые субсидировали выход их книги. Например:

[...] Долг требует посвятить сей мой перевод Вашему имени. Благодарное отношение Вашего ко мне духа и происходящие от того ко мне благодеяния составляют тому причину²⁴.

Московскому именитому гражданину и высокопочтенному господину М. В. Колосову в знак истинного высокопочтения всеусердно посвящает [...]»²⁵.

Важным элементом посвящений, отражающим отношение писателя к адресату являются подписи авторов. Несмотря на постепенный рост авторского самосознания и изменение писательского статуса, сочинители все еще продолжают древнерусские приемы. Итак, посвящая свое произведение какому-то персонажу, они повторяют этикетность, идущую от Средневековья, которая основывалась на христианском смирении. Наиболее часто они ставят в подписи следующие эпитеты перед своей фамилией: верноподданный, покорнейший слуга, верный и покорный слуга, преданнейший слуга, низжайший слуга. Унижение автора к меценату наиболее сильно проявляется в сопоставлении выше названных эпитетов с определениями, которыми автор наделил адресата. Например, Ваше Императорское Величество, Милостивый государь, Любезный благодетель, Его превосходительство, высокопочтенный господин, Его высокоблагородие, Ваше высокоблагородие и т. д.

Следует отметить, что если этикетность, связанная с выражением своего отношения к адресату воспринималась в предыдущие столетия как своего рода нормативность, то в конце XVIII столетия отношение к ней стало постепенно изменяться. Итак, например, в письмовниках того периода встречаем следующий подход к этому вопросу:

Еще желал бы я, чтоб в почтенных письмах полагали границы унижениям, оказывающимся в оных, и не доходили ни до излишних ласкательств, ни до рабского угождения. Когда ползает с такою низкостию, то не столько почтения, сколько презрения себе привлекают от самых тех особ, коим думают чрез сие свидетельствовать свое почтение²⁶.

²⁴ И. Тредиаковский, *Рассказчик забавных и увеселительных повестей*, Санкт-Петербург 1777.

²⁵ Е. Хомяков, *Забавный рассказчик*, Москва 1791.

²⁶ И. Соколовский, *Кабинетский и купеческий...*, с. 13.

Авторы антидедикаций, создавая антитезу традиционному посвящению, тоже прибегали в подписях к арсеналу художественных средств, выработанных эпохой. Следует, однако, отметить, что они или не называли вообще своего имени, или же прибегали к вымыслу, используя значащие, иронически звучащие фамилии, которые соответствовали стилю предшествующей им антидедикации (например, вымышленная фамилия Подтакалов в подписи дедикации к *Соловью*).

В итоге можно сказать, что во второй половине XVIII века в отношениях между писателем и адресатом, являющимся обычно представителем светской или духовной власти, замечаем как элементы этикетности, типичные для предыдущих столетий, так и новые приемы, которые были результатом изменений в литературной и культурной жизни страны. Рост писательского самосознания и статуса автора вызвали также полемику со стороны некоторых писателей, проявившуюся в создании ими новых форм (антидедикаций). В результате всего того дистанция между автором и адресатом дедикаций в конце XVIII столетия в сравнении с предыдущими эпохами значительно уменьшилась.

Anna Warda

О STOSUNKU PISARZA DO WŁADZY (NA MATERIALE WSTĘPÓW DO KSIĄŻEK DRUGIEJ POŁOWY XVIII WIEKU)

Artykuł poświęcono mało zbadanemu problemowi stosunku pisarzy do władzy w jednym aspekcie: dedykacji zawartych w ich książkach dla przedstawicieli władzy świeckiej czy kościelnej. Dedykacje te były bardzo rozpowszechnione w drugiej połowie XVIII w. i odznaczały się zróżnicowanym charakterem. Przeważały jednak panegiryczne teksty, co wiązało się z niskim w sensie materialnym statusem pisarza oraz z chęcią znalezienia mecenasa-„sponsora”. Ale były także polemiczne dedykacje (antydedykacje) świadczące o wzroście samoświadomości autorów i chęci uniezależnienia się od kaprysów możnych tego świata.